

ПОЖАРСКИЙ

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

Великие исторические персоны

Дмитрий Володихин

Пожарский

«ВЕЧЕ»

2012

Володихин Д. М.

Пожарский / Д. М. Володихин — «ВЕЧЕ», 2012 — (Великие исторические персоны)

Великая Смута начала XVII века высушила русское море и позволила взглянуть, что там, на самом дне его. Какие типы человеческие обитают у самого основания. Какая истина содержится в их словах и действиях. И, слава Богу, там, в слоях, на которых держится всё остальное, были особенные личности. Такие персоны одним своим существованием придают недюжинную прочность всему народу, всей цивилизации. Это... живые камни. Невиданно твердые, тяжелые, стойкие ко всяким испытаниям, не поддающиеся соблазнам. Стихии – то беспощадное пламя, а то кипящая мятежным буйством вода – бьют в них, надеясь сокрушить, но отступают, обессиленные. Они прозрачны, как горный хрусталь. Они верны своему слову, они крепко веруют, они не умеют изменять. Либо верность, либо смерть. Таков был князь Дмитрий Пожарский.

Содержание

Змеиная кожа	5
Русское государство и род Пожарских	7
Рождение полководца	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дмитрий Володихин

Пожарский

Змеиная кожа

Образованный русский человек нашего времени знает о Пожарском немного.

Две фигуры на Красной площади – Козьма Минин и князь Дмитрий Михайлович Пожарский – напоминают ему о том, что четыреста лет назад Москва оказалась под властью поляков. Тогда наш народ объединился, собрался в ополчение и очистил свою столицу от чужеземцев, а вождями ему в ту пору послужили две личности, чей облик сохранен в бронзе для потомков.

Неподалеку от памятника стоит Казанский собор, построенный, как многие полагают, на деньги Пожарского¹, разрушенный при большевиках и восстановленный совсем недавно. Стало быть – понимает наш современник – в характере своем князь имел черты не только отважного полководца, но и благочестивого христианина.

Вот, собственно, и всё.

Любитель исторических знаний добавит пару деталей. Публицист произнесет десяток цветистых фраз. Специалист – а хороших академических специалистов по Смутному времени сейчас не столь уж много – вставит драгоценный камень освобождения Москвы 1612 года в оправу дат, цифр, цитат из источников.

Но избрание двух этих людей на роль спасителей отечества до сих пор окружено ореолом тайны. Мало кто из историков и публицистов отважится сказать: не Минин и не Пожарский должны были прийти с армией под Москву. Не Минину следовало стать главным администратором огромной области, не Пожарскому надлежало стать военным ее вождем.

Мир допетровской Руси предоставлял каждому своему обитателю общественную «ячейку», где тому следовало жить и умереть. Правильным и достойным делом считалось наилучшим образом выполнять обязанности, которые диктовал обычай, господствующий в данной «ячейке». Скверным и глупым – выходить за пределы, установленные раз навсегда.

Так вот, в соответствии с политическим укладом той эпохи, водить армии и управлять областями считалось обязанностью высшей аристократии. Еще, может быть, верхушки чиновничества – дьяков. Более никому не позволялось заниматься чем-либо подобным. Минин же не относился ни к первым, ни ко вторым. Он вышел из провинциальных «торговых людей». Пожарский, хоть и мог назвать среди своих предков великих князей владимирских, никак не дотягивал до уровня высшей знати. Он и до чинов-то великих не дослужился.

Проще говоря, Россия тех лет располагала множеством людей, чье положение можно перевести на язык современных понятий как «генералы», «маршалы», «министры», «финансовые тузы». На рассвете XVII века русские не пользовались такими словами, но суть – та же. И при наличии всех этих высокопоставленных персон Москву освободили, условно говоря, полковник и хозяин мясной лавки.

Почему?

Причина тут самая неприятная: Смута разрушила русское общество до самого основания. Оно перестало представлять собой систему, оно потеряло единство и порядок. Более того, целые общественные слои утратили ум и волю, необходимые для выполнения их общественных функций. Те, кому следовало выходить с полками и бить врага, переходили на неприятеля.

¹ В действительности это не совсем так. Каменная Казанская церковь возводилась по указу царя Михаила Федоровича и на казенные средства. Более подробно о ее судьбе рассказывается в главе о христианском мировоззрении князя Пожарского.

тельскую сторону. Те, кому надлежало оберегать закон, первыми нарушали его. Те, кто обязан был защищать Церковь и веру, отворачивались и от первого, и от второго...

Самобытный русский государственный строй рухнул. Порча коснулась всех и вся. При этом в худшее состояние пришла именно высшая знать. Ее своеволие, ее амбиции, ее корыстолюбие чуть не погубили страну.

В таких условиях и появились на исторической сцене «полковник» с «хозяином мясной лавки». Дело преодоления Смуты потребовало от них покинуть естественные, от рождения полученные «ячейки» и занять совершенно другие, вернее сказать, чужие.

На исходе 1610 года Россия столь глубоко погрузилась в пучину бедствий, что все способы спасения, исходившие от старого порядка, оказались исчерпанными. Земское освободительное движение, родившееся на руинах Царства, было чем-то доселе невиданным.

Вот и вождями его оказались люди, сумевшие в чрезвычайных обстоятельствах скинуть весь свой прежний общественный опыт, как змея скидывает старую кожу, когда под ней появляется новая. Они действовали не так, как учила их вся предыдущая жизнь. Они взялись за дело, к которому в условиях неразрушенного государственного строя их не подпустили бы ни при каких обстоятельствах.

Но именно это и оказалось спасительным.

Величие Минина и Пожарского в том и заключается, что они приняли терновый венец земского освободительного дела, когда от него отказались все, кто обязан был его нести.

Русское государство и род Пожарских

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский – представитель аристократического семейства. Понять мечты и действия Пожарского, не говоря о его предках, абсолютно невозможно. Первые шаги князя на служебном поприще жестко предопределены были его происхождением.

Верхушка старомосковского общества пронизана была родовыми и брачными связями во всех направлениях. Большая политика иной раз зависела от того, кто на ком женат, кто кому шурин, на кого из свояков и двоюродных племянников можно рассчитывать в борьбе за власть. Русское дворянство и русская знать дружили родами, родами пробивались к возвышению, родами терпели опалу. Придворные «партии» рождались из матримониальных комбинаций.

Если ты не поп, не казак и не простолюдин, прежде думай о нуждах рода, а потом уже о своих! Иное мировидение выходило в ту пору за пределы общественной нормы. Если дворянин рвал семейные связи, на него смотрели как на душевнобольного и просто до крайности испорченного, скверного человека. Сначала – семейство, потом – личность. Притом слово семейство подразумевает представителей всех ответвлений рода, живых на данный момент. А их может быть два человека, а может и сорок два...

Интересы рода, нужды рода вели князя Пожарского по жизни очень долго – пока он не возвысился над ними...

Дмитрий Михайлович родился осенью 1578 года². Крестили его именем Козьма – в честь древнего проповедника и лекаря-бессребреника³. День поминовения святых Козьмы и Дамиана Месопотамских приходится на 1 ноября. Около этого времени Дмитрий Михайлович и появился на свет.

Имя Козьма в ту пору – весьма редкое и даже несколько неудобное для дворянина, или вернее, для «служилого человека по отчеству», как тогда говорили. Детям государевых служильцев чаще давали иные имена: Федор, Василий, Иван, Андрей, Петр, Дмитрий, Григорий, Юрий, Семен, Михаил... За экзотического Козьму мальчика задразнили бы до умопомрачения. Зваться Козьмой для человека его круга – неудобно, почти неприлично. Поэтому всю жизнь он носил не крестильное имя, а «прозвище» Дмитрий.

Святой Димитрий Солунский пользовался большим почитанием на Руси и считался вполне «дворянским» святым. К тому же память его отмечается 26 октября. Как бы не в этот день родился мальчик, крещенный Козьмой неделю спустя... А потому имя второго небесного покровителя – Димитрия – родители с легкой душой взяли из Святцев и дали своему отпрыску в качестве прозвища.

Ничего необычного! В старомосковскую эпоху человек мог иметь несколько имен и прозвищ. Ныне любой русский опознается по имени, отчеству и фамилии, но четыреста лет назад такого не водилось. Фамилий не существовало. Обращения по отчеству удаивался далеко не каждый. А имена и прозвища ухитрялись тасовать с невообразимым хаотизмом.

² Год рождения Дмитрия Михайловича оспаривается историком-краеведом В.Е. Шматовым. По его словам, грамота на земли, доставшиеся Пожарскому от отца, датирована февралем 1588 года, и там сказано, что отроку уже 10 лет. А если он родился в 1578 году, к февралю 1588 года ему было бы менее 9,5 лет: следовательно, князь родился в 1577 году. См.: Шматов В.Е. О дате рождения князя Дмитрия Пожарского // Нижегородская правда. 2005. № 76. Случай спорный: девять лет и четыре месяца могли выдать за 10 – семья ведь стремилась сохранить за собой отцовские владения, а чем выше возраст отрока, тем больше шансов, что государь пойдет навстречу его роду, зная, что на службу юноша все равно выйдет несколько лет спустя. Итог: нельзя сказать стопроцентно твердо, в 1577 или 1578 году родился Дмитрий Михайлович. 1578 год приводится здесь как более традиционная дата.

³ Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история, № 1. 2000. С. 150.

Одно имя давали младенцу при крещении. Другое он мог носить вместо первого – как удобное прозвище. Третье уже взрослый человек получал при пострижении во иноки.

Особое прозвище он обретал от рода своего, а современники порой давали еще и личное, а то и два. О благозвучии при этом особенно не заботились. При некотором везении личное прозвище могло звучать приятно или хотя бы нейтрально: Тугой Лук, Золотой, Гневаш, Хохолук, Волк, Лобан. Но чаще тыкали пальцем в какую-нибудь запоминающуюся, но... далекую от величия черту: Бледный, Ноздроватый, Слепой, Щепа, Кривонос, Тюфяк, Вислоух, Сопля, Лопата, Неучка, Небогатый, Хилок, Тать (разбойник), Гнус, Брех и даже Болван. «И пойдет оно и в род, и в колено...»

Аристократа княжеского происхождения звали, как правило, еще и по местности, где находились вотчины его семейства: Мстиславский, Звенигородский, Ряполовский, Холмский, Пронский и т. д.

Так, например, князь Иван Васильевич Оболенский носил родовое прозвище Кашин и личное Скок. А князь Козьма Иванович Ростовский, сын Ивана Глухого Ростовского, внук Дмитрия Бритого Ростовского, получил прозвище Богдан – никак не христианское, но более благозвучное, чем тот же Козьма. Еще один Козьма – сын князя Михаила Кропоткина, носившего прозвище Меньшой Кека, принял гордое прозвище Воин...

Князь Козьма-Дмитрий Михайлович Пожарский монахом не стал даже на смертном одре, хотя в его время так поступали нередко. Считалось, что схима очистит принимающего ее ото всех грехов. Однако князь прошел жизненный путь «мужа брани и совета»; под занавес земных своих дней он не счел нужным превращаться в кого-то другого. В научных и популярных трудах иногда пишут о странном имени его «Козьма» как об иноческом. Но в погребении князя исследователи не отыскали монашеской рясы: там было богатое аристократическое одеяние⁴. Да и в завещании своем Пожарский назвал себя не «инок Козьма», а «раб Божий многогрешный боярин князь Козма прозвищем князь Дмитрей Михайлович Пожарской».

В семействе Дмитрия Михайловича распространено было родовое прозвище «Немой». Князь носил его, унаследовав от деда, Федора Ивановича. Это прозвище князь Дмитрий передаст и своим сыновьям, Петру и Ивану⁵. Как видно, в его отрасли разветвленного «куста» Пожарских ценили молчунов...

Итак, герой этой книги – князь Козьма-Дмитрий Михайлович Пожарский-Немой.

О детстве и молодости князя почти ничего не известно. Как водится, отец учил его ездить на коне, биться на саблях и иных видах оружия, разбираться в хитросплетениях родословья, знать счет деньгам, управлять людьми. Местный священник дал мальчику азы письма и молитвенного усердия. Впоследствии князь проявлял большое благочестие; его манило книжное слово; надо полагать, корни этих черт его личности уходят в детские годы. Девяти лет оставшись без родителя, Дмитрий Михайлович рано должен был научиться самостоятельности. В отроческом возрасте ему пришлось совершать ответственные поступки. Так, подчиняясь приказу умирающего отца, князь подписал грамоту, по которой вотчинная его «деревенька» Три Дворища отойдет Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю «по душе» князя Михаила⁶. Мог не подчиниться, сохранить за собой ценное имущество. Но счел волю родителя священной.

Он принадлежал роду, не относившемуся к числу особенно влиятельных и богатых, но и не павшему на самое дно «захудания».

⁴ Курганова Н.М. Надгробные плиты усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимьевом монастыре // Памятники культуры: Новые открытия. 1993. М., 1994.

⁵ Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 69. Отца Дмитрия Михайловича прозывали иначе – «Глухой». Но это прозвище родовым не стало, оно, скорее, личное.

⁶ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. № 230. Отец князя Д.М. Пожарского когда-то приобрел ее у дяди, П.Т. Пожарского.

Пожарские были Рюриковичами, происходили из древнего семейства Стародубских князей. Более того, они являлись старшей ветвью Стародубского княжеского дома⁷; правда, сам Дмитрий Михайлович происходил от одного из младших колен. Пожарские – потомки знаменитого Всеволода Большое Гнездо – могучего властителя конца XII – начала XIII века. Родоначальник их семейства, князь Василий Андреевич Пожарский, владел обширной местностью Пожар⁸. Его отец, богатый князь Андрей Федорович Стародубский, участвовал в битве на поле Куликовом.

Но при столь значительных предках сами Пожарские в эпоху господства Москвы оказались на задворках. Как пишет историк С.Ю. Шокарев, потомки Василия Андреевича «в XVI веке были суздальскими землевладельцами и ничем не выделялись среди других сыновей боярских».

В 1560-х – 1580-х годах род Пожарских пришел в упадок, потерял старинные вотчины⁹. Младшие ветви Стародубского княжеского дома – Палецкие, Ромодановские, Татевы, Хилковы – обошли Пожарских по службе.

Такое «захудание» приключилось от разделов имущества, перехода земель монастырям, а еще того больше – от опал, наложенных при Иване IV. Это мнение обнародовал еще Л.М. Савелов, замечательный дореволюционный специалист в области генеалогии, исследовавший историю рода Пожарских. Савелов опирался на слова самого Дмитрия Михайловича, сказанные им во время одного местного разбирательства¹⁰.

Но насколько генеалог был прав? Если соображение его верно, выходит, Пожарские на московской великокняжеской службе были когда-то великими людьми, а потом упали. Иными словами, высокий род опустился в худость, чтобы воспрянуть в эпоху Смуты, когда Дмитрий Михайлович Пожарский вознес его в первый эшелон русской знати.

Знаменитый историк Московского царства С.Ф. Платонов писал о роде Дмитрия Михайловича: «Пожарские были в числе жертв опричнины и созданных ею придворных отношений и порядков. Знатные и богатые, они теряли вотчины и были опалами выброшены из Москвы на должности по местному управлению. Прижатые Грозным, они терпели и при Борисе, его политическом наследнике и последователе. Разумеется, они не могли быть в числе поклонников нового режима и должны были вспоминать старые, лучшие для них времена...»¹¹ Таким образом, Платонов соглашался с Савеловым. Вслед за Платоновым согласились многие другие специалисты и популяризаторы науки. Однако последнее время на сей счет высказывались обоснованные сомнения.

Никто не спорит с тем, что во второй половине царствования Ивана IV семейство Пожарских занимало слабые позиции в служебной иерархии России. Пожарские выглядят не столько как аристократы, сколько как знатные дворяне без особых перспектив в армии, при дворе, да просто в Москве. Высший слой провинциального дворянства – вот их уровень.

Множество фактов говорит в пользу этого утверждения.

В те времена показателем высокого положения любого аристократического рода было пребывание его представителей на лучших придворных должностях, в Боярской думе, назначения их воеводами в полки и крепости, а также наместниками в города. Для того, чтобы попасть

⁷ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988; Савелов Л.М. Князья Пожарские // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1906. Вып. 2–3. С. 36–37.

⁸ Ныне село Пожар не отыскать на карте России: оно исчезло. Однако его местоположение четко локализовано специалистами: в XV веке оно располагалось к юго-западу от Стародуба, близ села Осипова. Или, по другому мнению, речь идет не столько о конкретном селе Пожар (Погар), сколько о целой волости с таким названием, находившейся приблизительно в указанном месте. См.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1981. С. 260–261.

⁹ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 157–158.

¹⁰ Савелов Л.М. Князья Пожарские // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1906. Вып. 2–3. С. 5.

¹¹ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 347.

в Думу, требовалось получить от государя чин думного дворянина, окольного или боярина. На протяжении XVI столетия десятки аристократических родов добивались «думных» чинов, сотни – воеводских.

При Иване Грозном – как в опричные времена, так и позднее – у Пожарских ничего этого не было.

Их назначали на службы более низкого уровня – не воевод, а «голов» (средний офицерский чин), не наместников, а городничих (тоже рангом пониже). Если переводить служебные достижения родни Дмитрия Михайловича в термины более позднего времени, а именно Российской империи, то получится, что семейство его давало России военачальников уровня капитанов и майоров, т. е. среднего офицерства (приблизительно IX–VIII классы по «Табели о рангах»¹²). Многие из Пожарских в разное время погибли за отечество. Не вышли они ни в бояре, ни в окольные, ни даже в думные дворяне, несмотря на знатность (хотя представители младших ветвей Стародубского княжеского дома бывали в Думе многократно). И когда кого-то из них судьба поднимала на чуть более высокую ступень – например, на наместническую, то он гордился такой службою, хотя она могла проходить где-нибудь на дальней окраине державы, в Вятских землях. Если бы не высокое «отечество», т. е. древняя кровь Рюриковичей и хорошее родословие, Пожарские могли бы «утонуть» в огромной массе провинциального «выборного дворянства» – людей, едва заметных при дворе.

Ни для кого слабость Пожарских в чинах московской службы не являлась секретом. Однажды князь Ю.Д. Хворостинин, не пытаясь оскорбить Пожарских, а просто обсуждая местные тонкости, сказал вещь жестокою, но правдивую: «А князь Дмитриев [Пожарского] прадед и... отец нигде не бывали в... ваших государских и царских чинах и в розрядах, кроме городничества и городских приказчиков»¹³. Убийственная по тем временам характеристика! Даже в 1619 году, после всех подвигов Дмитрия Михайловича Пожарского, ему напомнили, что дед его был всего-навсего «губным старостой» – почти позорная должность для знатного человека¹⁴.

Таким образом, в детские годы князя Д.М. Пожарского его семейство находилось в униженном состоянии, не имело места в составе военно-политической элиты и даже не могло надеяться на возвышение за счет служебных достижений. Стоит добавить еще один факт, особенно неприятный для Дмитрия Михайловича лично. Его отец, князь Михаил Федорович, не дослужился даже до чина воинского головы. Единственным его заметным достижением стал удачный брак. Женой князя в 1571 году стала Ефросинья (Мария) Федоровна Беклемишева, происходившая из старинного и влиятельного московского боярского рода. Но мужу своему она по родственным связям помочь не смогла.

Ничуть не исправилось положение рода при сыне Ивана IV – царе Федоре Ивановиче. Как и все дворяне того времени, Дмитрий Михайлович с молодости и до самой смерти обязан был служить великому государю московскому. Начал службу он с небольших чинов как раз при Федоре Ивановиче (1584–1598 гг.). 23 августа 1587 года отец Д.М. Пожарского ушел из жизни, оставив после себя двух сыновей (Дмитрия и младшего – Василия), а также дочь Дарью. Отцовское поместье (незначительное по тем временам – всего 405 четвертей¹⁵) по указу царя Федора Ивановича было передано Дмитрию и Василию Пожарским с требованием, чтобы они вышли на государеву службу, достигнув 15 лет¹⁶.

¹² Российское законодательство X–XX вв.: в 9 тт. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 58.

¹³ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 33.

¹⁴ Дворцовые Разряды. 1612–1628. Т. 1. СПб., 1850. С. 396–397.

¹⁵ Четверть – мера площади пашенных земель. В XVI–XVII столетиях составляла чуть менее 0,505 га.

¹⁶ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. I. М., 1997. № 219; Курганова Н.М. Надгробные плиты усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимьевом монастыре // Памятники культуры: Новые открытия. 1993.

На исходе правления этого государя, в 1593 году, Дмитрий Михайлович начал служебную деятельность. Его пожаловали чином «стряпчего с платьем». Летом 1598 года в списке «стряпчих с платьем» молодой князь Д.М. Пожарский занимает последнее место¹⁷. Очевидно, стряпчим он стал незадолго до того.

Равным с ним положением обладало несколько десятков аристократов и московских дворян – таких же стряпчих при дворе. Эти люди прислуживали царю за столом, бывали в рындах – оруженосцах и телохранителях монарха – да изредка исполняли второстепенные административные поручения. В виде исключения кого-то из них могли назначить на крайне незначительную воеводскую службу.

Чуть более видное положение родня Дмитрия Михайловича заняла при царе Борисе Федоровиче Годунове (1598–1605 гг.).

Как тогда говорили, молодой Пожарский и его мать Мария были у царя «в приближении». Вероятно, наконец «заиграли» старинные связи рода Беклемишевых, относившихся к одной общественной среде с Годуновыми – древнему московскому боярству. А может быть, кто-то из более отдаленных родственников оказал им протекцию: семейство Пожарских, весьма разветвленное, умело устраивать брачные дела наилучшим образом. Родней Пожарским приходились крупные деятели приказного аппарата – дьяки Щелкаловы и, возможно, влиятельные аристократы Бутурлины. Они могли принять меры к возвышению Пожарских на служебно-иерархической лестнице¹⁸. Как бы то ни было, Мария Пожарская заняла видное место в свите царевны Ксении, дочери царя Бориса. Энергичная мать, вероятно, способствовала продвижению сына.

Правда, в начале царствования Пожарским пришлось претерпеть опалу¹⁹. «Продвижение по службе, – пишет историк М.П. Лукичев, – было прервано не долгой и совершенно не ясной по своим причинам опалой. Думается, дело было пустячным, т. к. уже в 1602 г. Пожарский вновь оказывается на службе...»²⁰ После прекращения опалы семейству удалось вернуть кое-что из родовых вотчин²¹. Кроме того, Пожарские набрались смелости и начали вступать в местные тяжбы – с князьями Гвоздевыми и Лыковыми.

Специалист по истории местничества Ю.М. Эскин рассказывает о большой местнической тяжбе с Лыковыми следующее: «В 1602 г. Д.М. Пожарский бил челом на князя Б.М. Лыкова. Мать последнего получила пост верховой боярыни при царице Марии Григорьевне, а мать Пожарского – пост верховой боярыни при царевне Ксении Борисовне. Верховые боярыни – главные статс-дамы – обычно выбирались из знатных почтенных вдов. Пожарский, явно по наущению матери, требовал назначения ее к царице, что считалось “выше”. Он заявлял, что ряд его предков занимал более высокие места, чем предки Б.М. Лыкова-Оболенского, однако это было большим “допущением” – Оболенские давно сидели в Думе, а знатные и чиновные однородцы Пожарских – Ромодановские, Ряполовские, Палецкие, Татевы, Тулуповы и др. – действительно «по лестнице» (по родословию. – Д.В.) формально были младше Пожарских, но являлись им слишком отдаленной родней. Дело это сохранилось в записи 1609 г., когда возобновилось при царе Василии Шуйском». Разбирательство продолжалось несколько месяцев, с сентября 1602 по январь 1603 года²². Ни при Борисе Годунове, ни при Василии Шуйском

М., 1994.

¹⁷ Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. С. 44.

¹⁸ Сироткин С.В. заметки о биографии Дмитрия Михайловича Пожарского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. Вып. 1 (3). С. 108–110.

¹⁹ Возможно, опала была вызвана их родственными связями с Чепчуговыми-Клементьевыми, которые вызвали недоброжелательство со стороны всесильных Годуновых. См.: Кобеко Д.Ф. Щелкаловы и Чепчуговы // Русская старина. СПб., 1901. Вып. CV (XXXII год издания). С. 711–715.

²⁰ Лукичев М.П. Д.М. Пожарский после 1612 г. // Лукичев М.П. Боярские книги XVII века. М., 2004. С. 244.

²¹ Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 321; Эскин М.Ю. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 117, 124; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 166.

²² Маркевич А.И. О местничестве. Ч. 1. Киев, 1879. С. 278–284.

тяжба «вершена», то есть закончена, не была. Победитель в ней не определился. Она посеяла неприязнь между двумя великими, может быть, величайшими русскими полководцами начала XVII века. Печально...

Эскин считал, что местническую распрю «срежиссировал» сам государь Борис Федорович. Князья Оболенские-Лыковы имели прочные связи с аристократической «партией» Романовых-Захарьиных-Юрьевых, враждебной Годунову. По его мнению, с помощью лояльных Пожарских царь убирал с политической доски не вполне лояльных Лыковых: «Лыков в 1609 г. рассказывал любившему всякие доносы, сплетни и прочие “ушничества” царю Василию, что якобы за 7 лет до того князь Дмитрий Пожарский “доводил” на него, Лыкова, царю Борису “многие затейные доводы” о том, что он, “сходясь с князьями В.В. Голицыным и Б.П. Татевым, про нево Бориса разсуждает и умышляет всякое зло”. В.В. Голицын, сам впоследствии претендовавший на трон, как известно, изменил под Кромами Борису Годунову, перейдя к Лжедмитрию. Однако донос – это акция, которая как-то плохо сочетается со всем, что мы знаем о Д.М. Пожарском. Лыков в своей “информации” не учел, что его соперник поостерегся бы, например, замешивать в число “заговорщиков” своего однородца, князя Татева. Лыков поведал также, что и мать Пожарского “доводила” царице Марии (к слову, дочери Малюты Скуратова) о том, что его мать, княгиня Лыкова, в гостях у княгини Алены Скопиной-Шуйской (матери будущего героя Смуты и жертвы собственной семьи князя Михаила Васильевича Скопина) “...будто рассуждала про нее и про царевну злыми словесы”... Лыков... заявлял, что попал тогда с матерью в (кратковременную, судя по всему) опалу»²³. Действительно, его отправили на воеводство в далекий провинциальный Белгород.

Вражда Лыкова с Пожарским продлится долго, она будет аукаться обоим еще и после Смуты. История ее с большой подробностью отражена в документах того времени.

Но как ни странно, изучив ее, трудно извлечь что-либо интересное о личности Дмитрия Михайловича.

Правду ли говорил Лыков о доносах Пожарского и его матери? У него ведь имелся собственный интерес – переломить ход тяжбы в пользу рода Лыковых... А если все-таки правду, то существовал ли на самом деле заговор против Бориса Годунова – покровителя Пожарских? Являлся ли в действительности монарх «постановщиком» жестокой местнической тяжбы? Согласились ли Пожарские на роль «фигур» в игре Бориса Федоровича, так ли уж совпадали их устремления с желаниями царя? А может, и не велось никакой игры?

Нет твердого ответа ни на один из поставленных вопросов. Можно сколь угодно долго строить остроумные гипотезы, а правда проста: недостаток информации мешает вынести обоснованное суждение. Чуть больше сведений, и «дело» заиграло бы. Но нет их, и не стоит удаляться в сказки.

Полная ясность видна только в одном направлении: еще недавно Пожарские были никем при дворе, и вдруг они сцепились со значительным семейством. Притом сцепились по сомнительному поводу. Можно ли было заработать «поруху чести» или, иначе, местническую «потерьку» по женской линии, да еще из столь редкой для местнических баталий комбинации – большой вопрос. Как видно, Пожарские хотели драки. Они возвещали о своем возвращении в аристократическую «обойму», хотя бы и в низший ее эшелон, а значит, готовились пройти через целый каскад тяжб. Иного пути не существовало. Надо полагать, Пожарские решились вступить в бой, чувствуя поддержку самого государя. В ином случае их авантюра почти автоматически привела бы к страшному поражению...

В Смутное время князь Дмитрий Михайлович вступил с возвращенным при Борисе Годунове чином стряпчего. На заре разгорающейся Смуты, в конце 1604-го или же в начале 1605

²³ Эскин Ю.М. Опыт жизнеописания боярина князя Козьмы-Дмитрия Михайловича Пожарского // День народного единства: Биография праздника. М., 2009. С. 180.

года, ему был пожаловано чуть более высокое звание – стольника²⁴. Но и чин стольника заметно уступал по значимости «думным чинам» – боярина, окольничего, думного дворянина.

Если грубо и приблизительно перевести на язык воинских званий Российской империи, стольник представлял собой нечто соотносимое с полковничьим чином сухопутных войск (VI класс «Табели о рангах»²⁵). Стольники в иерархическом отношении были незначительно выше, нежели стряпчие с платьем. Карьера по тем временам хорошая, лучше, чем у большинства предков Д.М. Пожарского, но без особенного блеска. Ни в Боярской думе, ни в воеводах Дмитрий Михайлович не бывал, наместничества не получал.

Все эти перипетии в судьбе незначительного и невлиятельного рода остались малозаметными событиями для современников. Государев двор того времени включал в себя огромное количество титулованной аристократии куда выше знатностью и влиятельнее Пожарских. Благоволение царя Бориса Федоровича дало им немного: род едва выглянул из-за забора, отгораживавшего дюжинное провинциальное дворянство от привилегированной московской знати. Род едва заявил свое желание подняться на более высокую ступень.

Если посмотреть на служебный статус семейства Пожарских в целом, каким он был при Борисе Годунове, то значительных достижений все еще не видно. Вот несколько примеров:

Князь Иван Петрович Пожарский в 1598–1604 годах служил «выборным сыном боярским» по Владимиру. Затем он выслужил чин стольника, сравнявшись, таким образом, с Дмитрием Михайловичем. В 1604 году князь Дмитрий Петрович Пожарский имел чин «жильца» – также весьма низкий (ниже стольника). Дядя Д.М. Пожарского, князь Петр Тимофеевич Пожарский-Щепа в 1590-х – 1600-х годах не поднялся выше тех же «выборных». Но он занимал какое-то время пост воеводы в маленьком Уржуме, на Москве несколько лет служил «объезжим головой» – то «в Белом городе на большом посаде», то в Китай-городе. Должность объезжего головы современный историк остроумно назвал инспекторской пожарно-полицией²⁶.

И никто из Пожарских не шагнул к тому времени по службе хоть на ступеньку выше Дмитрия Михайловича...

Итак, можно констатировать: ни сам князь Дмитрий Михайлович Пожарский, ни род его к началу Смуты не входили в состав военно-политической элиты Московского государства.

Зато в смутные годы он станет одной из самых заметных фигур Московского государства. Любопытно, что «дворовым» (придворным) чином стольника Дмитрий Михайлович дорожил, не опускал его при титуловании. И в официальных документах Совета вся земля его нередко называли «стольником и воеводой». Так, например, начинается «окружная грамота», написанная в Ярославле 8 апреля 1612 года: «Великия Росийския державы Московского государства от бояр и воевод и стольника и воеводы от князя Дмитрея Михайловича Пожарского с товарищи...»²⁷ Любопытно, что на «затылье» земских грамот, в списке «рукоприкладств», имя князя Д.М. Пожарского стоит далеко не первым, а всего лишь в конце первого десятка²⁸. Он – старший военачальник земского ополчения, но не далеко самый знатный из служилых аристократов, примкнувших к земцам. Традиция не позволяет при составлении официальных бумаг игнорировать этот факт. С осени 1612 года объединенное земское правительство рассылает

²⁴ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 132, 133.

²⁵ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 тт. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. С. 56.

²⁶ Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 307, 314, 321; Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С.254, 260, 275, 354, 362, 387; Савелов Л.М. Князья Пожарские // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1906. Вып. 2–3. С. 16–19, 21; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 110–111; Эскин Ю.М. Опыт жизнеописания боярина князя Козьмы-Дмитрия Михайловича Пожарского // День народного единства: Биография праздника. М., 2009. С. 170.

²⁷ Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. №№ 204, 208, 210 (апрель – июль 1612 г.).

²⁸ Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. №№ 203.

грамоты от имени «боярина и воеводы князя Дмитрия Тимофеевича Трубетцкого да стольника и воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского»²⁹. Пожарский – второй: он возглавлял воинство победителей, но Трубетцкой и знатнее его, и чином выше. Лишь в 1613 году Земский собор дарует Пожарскому думный чин боярина, а позднее, уже при Михаиле Федоровиче, он будет занимать крупные воеводские и административные посты.

Разрыв между положением князя Д.М. Пожарского в 1605 году, при восшествии на престол Лжедмитрия I, и в 1613 году, при восшествии на престол основателя династии Романовых Михаила Федоровича, огромен. В мирное время, при господстве местнической системы, обеспечивавшей привилегию для нескольких десятков знатнейших родов, никто не мог «скакнуть» из стольников в бояре. А представитель довольно скромного, хотя и «родословного» семейства Пожарских вообще не имел шансов выслужить боярский чин. Ни последовательно, т. е. постепенно проходя промежуточные чины, ни «скачком», что и произошло в действительности. Как говорилось выше, при Борисе Годунове и Лжедмитрии I князь еще не принадлежал к числу представителей военно-политической элиты России, а в 1613 году он уже являлся таковым несомненно.

Это произошло лишь по двум причинам: во-первых, Дмитрий Михайлович показал незаурядное тактическое дарование; во-вторых, вся система «московских чинов» на время разрушилась, потеряла силу. Фактически Пожарский мог прорваться столь высоко только на руинах старого порядка и до момента полной его реставрации.

Никто из его близких родичей не поднялся выше. В «шлейфе» его возвышения семейство Пожарских поднялось в целом. Эта захиревшая было отрасль Стародубских князей стала заметной при дворе во времена первых Романовых. Таким образом, на закате Московского дома Рюриковичей и при Борисе Годунове, т. е. на протяжении многих десятилетий, предшествующих Смуте, Пожарские оставались малозаметными служилыми русскими государей. Ни одного прорыва к думным, высшим военным или административным должностям за ними не числится. Возвышение связано исключительно с личностью Д.М. Пожарского, и произошло оно позднее.

Остается выяснить: а располагал ли род Пожарских какими-то выдающимися служебными достижениями до того. Например, в молодые годы Ивана IV, когда страну правил не столько он, сколько аристократические «партии»? Или при Василии III? При Иване Великом?

Сам Пожарский уверен был, что его род придавили опалами, и, значит, следовало использовать любой шанс, возвращая семейству былое величие. Так ли это?

Вот интересный вопрос! Рухнуть под тяжестью опал немудрено. Однако... прежде надо занять высоту, с которой произойдет падение. По этому поводу специалистами как раз и высказываются сомнения: была ль та высота? Не представляет ли она родовую легенду Пожарских?

При Иване III Пожарских вообще не видно: ни разряды, ни иные административные документы их не упоминают. При Василии III и в годы молодости Ивана IV пять представителей рода, в том числе прадед Дмитрия, оказывались в наместниках и волостелях, т. е. управляли волостями, но чаще – второстепенными, и лишь ненадолго: Переяславлем да половиной Дмитрова. Ничего особенного.

С другой стороны, семейство Пожарских долгое время было весьма и весьма состоятельным.

Л.М. Савелов считает, что еще в XV столетии Пожарские сохраняли огромные богатства удельной эпохи, доставшиеся им от предков. Это так: ведь в XVI столетии они совершают множество сделок с земельной собственностью, притом щедро раздают села и деревни в приданое, делают большие вклады в монастыри³⁰. Их древнее родовое владение Пожар (или Погар) еще

²⁹ См., напр.: Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. №№ 215, 216 (октябрь – декабрь 1612 г.).

³⁰ Савелов Л.М. Князья Пожарские // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1906. Вып. 2–3. С. 14–22.

в середине XV века перешло ко князю Д.И. Ряполовскому в обмен на села Мугреево (оно же Волосынино) и Коченгир (Кочергин) с деревнями³¹. Очевидно, Пожарские нуждались тогда в деньгах: вместе с Мугреевым они получили 150 рублей серебром (колоссальные деньги, целое состояние), а также коня и шубу еще на 20 рублей. Иначе говоря, разница в размерах или ценности земель была покрыта звонкой монетой. Но и мугреевские владения оказались весьма велики: это хорошо видно по землеописаниям старомосковской эпохи и по вкладам в Суздальскую Спасо-Евфимьеву обитель. Семейство было связано прочными нитями с этой обителью. Там Пожарских на закате жизни постригали во иноки, там же многие из них погребены. Так вот, во второй половине XVI века древнее земельное богатство Пожарских, давно разошедшееся на части между многочисленными представителями рода, стремительно уходит к этому монастырю – за долги и по вкладам, сделанным из христианского благочестия. Если суммировать все древние вотчины Пожарских, отданные тогда монахам, получится громадная область: села Богоявленское, Могучее (Мугучее), Троицкое, Федотово, Фалалеево, Дмитриевское, 60 деревень, 2 починка, 6 пустошей и 2 селища³². По представлениям XV–XVI веков – настоящее удельное княжество! Между тем земли уходили из рода не только в этот, но и в другие монастыри, например, в Троице-Сергиев...³³

В результате царской опалы Пожарские, по всей видимости, потеряли не столь много земли, сколько отдали ее иноческим обителям – за деньги или в виде добровольных пожертвований.

Как ни парадоксально, Пожарских могло погубить собственное богатство: они не поспешили укрепить свое положение, отыскивая службу при дворе великих князей московских. Возможно, родовое состояние давало этому семейству слишком значительный доход, чтобы Пожарские торопились вступить в конкуренцию с другими Рюриковичами и старомосковским боярством за высокий служебный статус в столице объединенного Русского государства. А когда стало очевидным, что вся жизнь знатного человека поставлена в зависимость от гнева и милости государя московского, время оказалось упущенным. Поздно!

И огромная область, издревле принадлежавшая их роду, начала понемногу «таять»...

Но где же тогда та самая вершина, с которой Пожарских могла сбросить опала? Нет ее. Переяславское и дмитровское наместничества – заметные должности, но не великие. Выходит... древний род этот никогда не стоял особенно высоко в Московском государстве. Был богаче и со временем богатства растерял – весьма возможно. А что касается служебного положения, тут Пожарским похвастаться нечем.

Ю.М. Эскин сделал тонкое наблюдение: «...многих княжат выслали на службу в присоединенное Казанское ханство, а часть их вотчин забрали “на государя”, что следует рассматривать как опалу. Пошло туда около 23 семей стародубских князей, в том числе четверо Пожарских. В 1550–1557 гг. городничим в Свияжске служил дед князя Дмитрия князь Федор Иванович Третьяк, а его брат Иван Иванович в 1557–1558 гг. – городничим в Казани. Это были низкие административные должности, чем Пожарских позднее попрекали. Но спустя 5–6 лет большинство вернулось домой и даже, судя по землевладельческим документам, распоряжалось частью родовых вотчин. Поэтому объяснения Д.М. Пожарского и его родственников спустя 50 лет своей “захудалости” опалой были натяжкой: *ни до, ни после Казани Пожарские до воеводских или придворных чинов не добивались* (курсив мой. – Д.В.)»³⁴. В.Д. Назаров при-

³¹ Назаров В.Д. Акты из архива Спасо-Евфимьева монастыря // Русский дипломатарий М., 1998. Вып. 4. С. 10–11, 15–16.

³² Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. №№ 96, 99, 130, 145, 146, 153, 155, 156, 166, 169, 180, 202, 230.

³³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 100; Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 142–143.

³⁴ Эскин Ю.М. Опыт жизнеописания боярина князя Козьмы-Дмитрия Михайловича Пожарского // День народного единства: Биография праздника. М., 2009. С. 170.

держивается сходного мнения о Пожарских: «Их род захирел вовсе не в результате опалы в годы опричнины... а гораздо раньше. Совсем не случайно князей Пожарских нет в перечне дворовых 1495 г., где фигурируют 11 потомков трех братьев Федора, Ивана и Давыда Андреевичей [Стародубских], но нет потомков их старшего брата – Василия Андреевича»³⁵.

Остается сделать вывод: опалы несколько ухудшили положение рода Пожарских, но со времен создания Московского государства он никогда и не выдвигался в первые ряды военно-политической элиты. На театре большой политики и среди крупных военачальников их не видно уже при Иване Великом. Пожарские были знатны, но слабы службою. Не храбростью, не честностью уступали они другим аристократическим семействам, нет. Прежде всего умением «делать карьеру».

Не они одни таковы. Многие княжеские рода, вышедшие из высокородных Рюриковичей, опустились на московской службе до положения обычного провинциального дворянства. Вяземские, Ковровы, Гундоровы, Кривоборские, Борятинские, Бабиचेва, Болховские, Гагарины – всё Рюриковичи, но всё – захудалые рода. Некоторым впоследствии помогла подняться монаршая милость, те или иные связи с правящим домом. Но вообще захудание знатного княжеского семейства в XV–XVI веках – дело обычное.

Трудно сказать, почему так произошло конкретно с Пожарскими. Можно лишь строить версии.

Одна из них, самая простая, состоит в нежелании, либо неумении представителей рода толкаться локтями за выгодные назначения при дворе. Почему – об этом уже говорилось.

Другая объясняет неуспех рода на Москве тем, что во время большой внутренней войны Московского княжеского дома, при Василии II, Пожарские, теоретически, могли поддержать проигравшую сторону – Юрия Звенигородского и его сыновей. Многие аристократические семейства утратили прежнее влияние подобным образом³⁶.

Наконец, третья версия: разорение. В XVI веке семейство расплодилось, и прежние обширные вотчины разошлись между многими его представителями. Известен раздел родовых вотчин, произведенный в 1518/19 году между четырьмя (!) представителями семейства Пожарских. А в 1521/22 году произошло новое раздробление³⁷. Это лишило Пожарских силы и влияния, какими они обладали в XV веке. Уже в 1550-х годах они выглядят дюжинными землевладельцами, их вотчины и поместья не достигают и 1000 четвертей на человека, т. е. как у среднезажиточных дворян³⁸.

Какая из трех версий ближе к истине, покажут будущие исследования.

Отец, наверное, говорил Дмитрию Михайловичу: Пожарские когда-то считались великими людьми, а ныне участь их незавидна. И мальчик понял всё по-своему: опалы... немилость... нас принизили. Эта родовая легенда, усвоенная в детстве, заставляла его с необыкновенной энергией бороться за возвышение семейства. Яростное столкновение с Лыковыми – яркое тому свидетельство.

Но для биографии самого Дмитрия Михайловича гораздо важнее другое: когда произошел перелом в его служилой карьере? Когда его энергичные действия дали наконец результат?

По всей видимости, предпосылки к этому создались при Василии Шуйском.

³⁵ Назаров В.Д. Акты из архива Спасо-Евфимьева монастыря // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 12.

³⁶ Продав вотчины на Стародубской земле и приобретя их на Суздальщине, Пожарские попали из огня в полумя. Область вокруг Стародуба принадлежала Великому княжеству Литовскому. А там в 1430-х годах шла гражданская война. Восточные области, а значит, и Стародуб, примкнули к великому князю Свидригайло Ольгердовичу. Он проиграл войну. Видимо Пожарские почувствовали себя не уютно после поражения и решили перейти под власть великих князей московских. Перешли... А в то самое время и на землях Московского княжества шла большая внутренняя война.

³⁷ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. №№ 11, 19.

³⁸ Антонов А.В. Боярская книга 1556/57 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 88, 89, 100.

Рождение полководца

До воцарения Василия Ивановича князь Пожарский почти не имел боевого опыта.

Предполагают, что при Борисе Годунове он участвовал в походе против первого Самозванца. Допускают даже, что Дмитрий Михайлович бился в большом сражении при Добрыничах с армией Лжедмитрия I. Однако отправка его в поход сомнительна: Пожарский всего-навсего незадолго до кампании против Самозванца получил жалование и купил хорошего коня³⁹. Возможно, на этом коне он ездил сражаться с неприятелем, а возможно... не ездил. Свидетельства источников смутны. Сохранились списки должностных лиц воинства, отправленного против Лжедмитрия I. Имени Пожарского там нет. Значит, даже если князь ходил на Самозванцеву рать, никаких командных должностей он не занимал. Не был ни воинским головою, ни, тем более, воеводой.

Неотвратимо приближавшийся к Москве призрачный «царевич» не испытывал к молодому царедворцу злых чувств. Для игры, которую он вел, Пожарские вряд ли могли считаться серьезными фигурами... В лучшем случае – пешки. А какой с пешек спрос? Когда Борис Федорович умер, а Лжедмитрий I воцарился на Москве, ни сам Дмитрий Михайлович, ни род его не пострадали.

Для биографии князя Д.М. Пожарского важнее другое: он начинал карьеру при неизбывном порядке. А теперь на его глазах этот порядок начал распадаться. Политический строй Московского государства обладал колоссальной прочностью и сопротивляемостью к внешним воздействиям. Но Смута начиналась изнутри. Самозванец, ставший русским царем, хотя и получал поддержку поляков, а все же ничего не сумел бы совершить в России, если бы не внутренняя трещина, легшая поперек государственного устройства.

Трещина эта имела два ответвления.

С одной стороны, российская экономика так и не восстановилась полностью со времен страшного напряжения сил в годы Ливонской войны. Спокойное правление Федора Ивановича сыграло роль благодатной передышки, но старые раны еще не успели зажить до конца. А при Борисе Годунове кара Господня страшного голода обрушилась на страну. Правительство могло выводить державу из кризиса, только усиливая давление на крестьян, – они кормили войско, на них держалось финансовое благополучие государственных учреждений. И до поры до времени крестьянство предпочитало терпеть нарастающее утеснение. Но горючий материал множился...

С другой стороны, знатные люди Московского государства косо смотрели на самого царя. Пусть он даровитый политик, пусть он умелый дипломат, пусть он показал свою силу, переламывая хребты древней аристократии. Но... не по праву он на троне, и тем плох.

Никакая политическая мудрость, никакая сила не исправит государю Борису Федоровичу его кровь. А по крови он, хоть и царский шурин, но из второстепенного рода. Не погибни младший брат царя Федора Ивановича, не скончался государева дочь, не видать Борису Годунову престола как своих ушей. Однако и после их смерти в Москве оставалось достаточно аристократов, имевших больше прав на престол, чем Годунов. К тому же в нем подозревали убийцу государева брата – царевича Дмитрия, а порой и самого царя Федора Ивановича. Борис Федорович, восходя на трон, получил санкцию от Земского собора и благословение от Церкви в лице патриарха Иова. Но как только появился Лжедмитрий I, все эти удерживающие скрепы посыпались трухой.

³⁹ Малиновский А. Биографические сведения о князе Димитрие Михайловиче Пожарском. М., 1817. С. 5–6. Малиновский обнаружил эти данные, исследуя книгу окладных выплат из Московского архива Коллегии иностранных дел, подчиненного МИД.

По неписаным законам Московского царства кровь значила исключительно много. И кровь Годунова оказалась слишком низкой для роли монарха...

Сам Годунов еще мог сдерживать натиск Самозванца. Но он скончался в разгар боевых действий, а род его защитить себя не сумел и был уничтожен.

Лжедмитрий I вошел в Москву.

После воцарения этого сомнительного монарха Дмитрий Михайлович остается при дворе. Он исполняет обязанности стольника.

Как же так – возмутятся люди патриотического мировидения, – почему не восстал князь Пожарский против неведомой личности, незаконно севшей на престол? Почему служил ей верно? Почему остался среди придворных? Лжедмитрий позволил вырезать царский род Годуновых, привел многочисленных поляков в Москву, женился на чужеземке и сместил законного патриарха Иова. Неужели Дмитрий Михайлович остался равнодушен ко всему этому?

Вопросы резонные...

Жаль, ответов на них нет. И, вероятно, не будет, если не откроют новые летописи или новые документы, проливающие свет на то странное царствование. А пока современный историк, изучающий биографию князя Пожарского, за весь период с конца 1604 года по лето 1606-го располагает всего-навсего двумя краткими известиями. Весной 1606 года Пожарский вершил свою придворную службу у Лжедмитрия I на пирах. Дмитрий Михайлович присутствовал на свадебных торжествах Самозванца, когда Расстрига венчался с Мариной Мнишек, а также при встрече ее отца, Юрия Мнишка⁴⁰.

Всё.

Негусто...

Какие тут сделаешь выводы?

Неизвестно, был ли князь Пожарский столь уж верен Лжедмитрию I. Позднее Дмитрия Михайловича жаловал новый государь – Василий Шуйский. А он пришел к власти в мае 1606-го путем вооруженного переворота, когда Самозванец был убит. Как знать, не стал ли Пожарский одним из участников майского восстания, похоронившего Расстригу?

Но это домыслы, гипотезы.

А вот правда: если и не оказался князь среди восставших, на добром имени его все равно пятен нет.

Прежде всего, большая часть русского общества приняла Расстригу как царевича Димитрия, действительного сына царского. Это для нас он Лжедмитрий. А тогда подавляющее большинство русских восприняло историю с его чудесным «воскрешением» и восшествием на престол как восстановление правды самим Господом. Эйфорическое отношение к «государю Дмитрию Ивановичу» продержалось довольно долго. Отрезвление наступило не скоро и не у всех.

Кроме того, лояльность в отношении Лжедмитрия питалась неприязненным отношением к Борису Годунову. «Спасшемуся царевичу» поверили, поскольку очень многие были недовольны предыдущим правлением. «Низвержение династии Годуновых и Патриарха Иова, – пишет современный историк Василий Ульяновский, – осуществлял не Самозванец. Оно происходило до его вступления в Москву. Действовали подданные царя Бориса и паства Патриарха... Низвержение Годуновых, целый поэтапный церемониал (античин) их уничтожения был как бы символическим действием делигитимизации их “царства”... При этом руками подданных вершилась Божия кара “неправому царству”. Низложение Иова составляло к этому как бы парный обряд лишения священства того первоиерарха Церкви, который подал освящение

⁴⁰ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 77, 81.

(помазание) “неправому царству”»⁴¹. Русская знать и русское дворянство в подавляющем большинстве своем приняли Лжедмитрия. Служить ему не считалось зазорным.

Но терпеть поляков в Москве и служить царице-польке не стали. Лжедмитрий пал, воцарился Шуйский. Для князя Пожарского правление этого государя – время успехов и побед. Щедрое время.

В годы царствования Василия Ивановича (1606–1610 гг.) Дмитрий Михайлович наконец-то выбился на воеводскую должность. По понятиям послепетровской России – вышел в генералы. Но прежде его испытали ответственным боевым поручением.

Осенью 1606 года к Москве подступили с юга войска Ивана Болотникова, именовавшего себя «воеводой царевича Димитрия». С ним шли отряды Истома Пашкова – вождя тульского дворянства, Прокофия Ляпунова с рязанцами, а также других повстанческих военачальников. Судьба столицы и самого царя висела на волоске. В той грозной ситуации князю Пожарскому доверили пост воинского головы.

Об этом назначении документы сообщают следующее: «за Московую рекою противу воров» царь велел встать армии во главе с князьями Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским, Андреем Васильевичем Голицыным и Борисом Петровичем Татевым. В ту пору «с ворами бои были ежедневные под Даниловским и за Яузю»... Очевидно, оборонительная операция носила маневренный характер. То и дело требовалось бросать отряды лояльных войск навстречу неприятелю, рвущемуся в Москву с разных направлений. Следовательно, очень многое зависело от младших командиров – от тех, кого ставили во главе подобных отрядов. Их личная отвага, преданность государю и умение действовать самостоятельно могли решить исход боя. Среди таких младших командиров – воинских голов – появляется имя Дмитрия Михайловича Пожарского⁴².

Тогда Москва впервые стала для него театром военных действий...

Болотникова счастливо одолели. Царские воеводы проявили твердость, к тому же Истома Пашков с Профием Ляпуновым перешли на сторону правительства. В итоге полки Болотникова потерпели двойное поражение – у Коломенского, а потом под деревней Заборье. На следующий год его бунтовской армии пришел конец.

Неизвестно, участвовал ли Д.М. Пожарский в борьбе с болотниковцами после их разгрома в столичных пригородах. Но, как минимум, первая его боевая работа под Москвой оставила хорошее впечатление и запомнилась. Именно она, думается, подсказала государю идею дать самостоятельное воеводское назначение Дмитрию Михайловичу, когда над Москвой разразилась новая гроза.

Идея самозванчества имела губительную притягательность для русского общества. На смену Лжедмитрию I и его «воеводе» Болотникову скоро явился новый мятежник, принявший ложное имя «царя Дмитрия Ивановича».

Отчего воцарение природного русского аристократа, высокородного Рюриковича Шуйского не успокоило Россию? Отчего страна с такой легкостью поднялась на новые бунты?

Трудно представить себе, что русское общество столь долго обманывалось на счет самозванцев и добросовестно верило в очередное «чудесное спасение» Дмитрия. Некоторые – возможно. Огромная масса – вряд ли... Имя царя, уничтожившего род Годуновых, имело большую притягательную силу, но со временем все меньше в этой притягательности сохранялось небесного, сакрального, и всё больше – сатанинского, соблазнительного. Люди с мятежными устремлениями жаждали получить нового «Дмитрия Ивановича», дабы именем его творить бесчинства и добиваться власти. Россия наполнилась самозванцами. Лжедмитрии, попавшие на страницы учебников, далеко не исчерпывают страшного русского увлечения безжалостным

⁴¹ Ульяновский В. Смутное время. М., 2006. С. 55.

⁴² Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 10.

авантюризмом под маскою «восстановления справедливости». Новых «царей» и «царевичей» лепила свита, выпекала бунташная толпа, а подавали к столу отчаянные честолюбцы. Немногие из них правдиво заблуждались. Большинство цинично искало своей корысти.

При Василии Шуйском оставались в действии как минимум три причины для всеобщего кипения в русском котле.

Во-первых, экономическое состояние страны ничуть не улучшилось, оно лишь упало еще ниже. Крайне угнетенное состояние крестьянской массы заставляло ее приходить в движение. Земледельцы покидали села и деревни, отыскивая лучшей доли, нападали на вотчинников и помещиков своих, подавались в казаки. Иными словами, сельские хозяева отрывались от размеренной и правильной жизни, составляя пищу для подвижной стихии бунта. Ничто не ослабляло утеснения, вынужденно предпринимаемого правительством в отношении крестьян. Но теперь они нередко предпочитали восстание и смертельный риск размеренному быту прежней жизни.

Во-вторых, смерть Лжедмитрия ослабила иноземный элемент в столице, но никак не решила проблем, связанных с состоянием военно-служилого класса России. Шуйский смотрелся на троне «честнее» Годунова. Тот поднялся из московской знати второго сорта, если не третьего, а Шуйские всегда стояли на самом верху ее. Но Василий Иванович был одним из аристократов, и он привел к власти одну из партий придворной знати. Другие партии не видели для себя никакого улучшения. Что для них Шуйский? Свой, великий человек, однако... равный прочим «столпам царства», знатнейшим князьям и боярам. Отчего же именно ему быть первым среди равных? Князь Федор Иванович Мстиславский еще, пожалуй, повыше станет, если посчитать по местническим «случаям». А может, и князь Василий Васильевич Голицын. И Черкасские... и Трубецкие где-то рядом... и Романовы... и... Н-да. Московское государство было до отказа набито умной, храброй, неплохо образованной и яростно честолюбивой знатью. Политические амбиции были у нее в крови, витальной энергии хватало на десяток царств. Русская держава долгое время сдерживала горячий пар боярского властолюбия, распиравший ее изнутри. Но Борис Годунов, при всех его неординарных политических достоинствах, проделал в сдерживающей поверхности слишком большую дыру – указал путь к трону, личным примером «разрешил» рваться к нему без разбора средств... Теперь никакая сила не могла заделать отверстие, оно только расширялось. Каждый новый царь, будь он стократ знатнее Годунова, вызывал у больших вельмож страшный вопрос: «Почему не я?» И коллективное сознание русской знати не знало ответа на этот вопрос. А снизу, из провинции, шел еще один поток раскаленного честолюбия. Провинциальное дворянство наше еще со времен царя Федора Ивановича было прочно заперто на нижних ступенях служилой лестницы. Никакого хода наверх! Там, наверху, – «родословные люди», их и без того очень много, им самим места не хватает. Семьдесят – восемьдесят родов делят меж собою лучшие чины и должности, еще сотня родов подбирает менее значимые, но всё же «честные» назначения, а остальным – что? Дырку от московской баранки! Эй, господа великородные бояре! – словно кричали аристократам снизу – да к чему нам ваша местническая иерархия? Какая нам от нее польза? А не пощекотать ли ее ножичком? Авось, выйдет дырочка, а в ту дырочку войдут люди храбрые, служилыцы искусные из дальних городов. Дайте нам московского хлебушка! Нет у нас ни крошечки от сладких пирогов воеводских да думных, так дайте же, дайте, дайте! И шел русский дворянин к Ивану Болотникову, и шел к Истоме Пашкову, и шел к иным «полевым командирам» Великой смуты, осененным «святым» именем «царя Дмитрия Ивановича». Не крестьяне и не казаки составляли основную силу повстанческих армий ранней Смуты, нет. Служилый человек по отечеству шел из дальнего города к Москве, желая силой оружия вырвать повышение по службе, закрыть для него обычаями прежней служилой системы.

В-третьих, пал великий сакральный идеал Русского царства. Было оно Третьим Римом, Вторым Иерусалимом, а стало Вавилонскою блудней! Власть государя для всего народа, кроме,

быть может, высшего слоя знати, долгое время окружена была священной стеной почтительного отношения. Монарх парил над подданными, монарх был в первую очередь защитником христианства, главным со-работником Церкви в великом православном делании, справедливым судьей, Божьим слугой на русской земле. Старая смута середины XV века, когда князья московского дома грызли друг друга, подобно волкам, давно забылась. Но запах новой смуты появился в Московском государстве после того, как у подножия трона началась неприглядная суэта. Странная смерть царевича Дмитрия, о которой глава следственной комиссии князь Василий Иванович Шуйский трижды говорил разные вещи: то «несчастный случай», то «чудесное спасение», то «убиен от Годуновых». Странное восшествие на престол царя Бориса. Ну не та у него была кровь! И мнение всей земли, высказанное на Земском соборе, оказалось недостаточным аргументом против смутных настроений. Восстание Расстриги. Убиение царского сына и невенчанного царя Федора Борисовича. А потом и убиение самого Лжедмитрия I. Да кем бы он ни был, а Церковь венчала его как законного государя, и, стало быть, погубление Самозванца – преступление против Церкви. А восшествие царя Василия Ивановича на престол даже Земского собора не знало... Подлая суэта, связанная с прекращением старой династии московских Рюриковичей-Даниловичей, а также совершенные ради трона преступления донельзя опустили и сакральность царской власти, и общественный идеал верного служения государю. Еще он сохранялся, но сильно обветшал. Общество чем дальше, тем больше развращалось. Соображения простой личной пользы все больше побеждали долг и веру как традиционные основы русской жизни...

Государя Василия Ивановича ждало одно только усиление источников Смуты. Он вышел на неравную борьбу.

Лжедмитрий II, разбив армию Василия Шуйского, летом 1608 года подошел к Москве и осадил ее. По своему лагерю, располагавшемуся в Тушине, он получил прозвище «тушинский вор». Справиться с ним оказалось намного сложнее, чем с Болотниковым. Царь Василий Иванович так и не решил этой задачи. Но он хотя бы постарался организовать должный отпор новому Самозванцу.

Где был тогда князь Дмитрий Михайлович? Нет точных сведений на этот счет, известно одно: он сохранял верность государю. Скорее всего, ему опять пришлось драться на полях близ московских окраин, скреживая саблю с клинками «тушинцев».

На подступах к столице шли кровавые столкновения. Бой следовал за боем. Из подмосковного лагеря отряды «тушинского вора» расползались по всей России. Они несли с собой имя Дмитрия – то ли живого, то ли мертвого, Бог весть... И это страшное имя действовало как искра, упавшая на сухую траву. Тут и там разгорались малые бунты. Два десятка городов – Псков, Вологда, Муром, залесские и поволжские области – присягнули на верность Лжедмитрию II. Польские отряды, казачьи шайки, группы недовольного Шуйским провинциального русского дворянства и всякий случайный сброд пополняли его воинство.

Более того, высокородная московская знать, почуяв за тушинским «цариком» силу, принялась «перелетать» к нему. А за нею потянулись дворяне, дьяки, придворные разных чинов.

Царю Василию Ивановичу с каждой неделей становилось всё труднее находить преданных военачальников и администраторов. Наказывая кого-то за явные оплошности, прямое неповиновение или же за отступления от закона, царь мог завтра не досчитаться еще одной персоны в лагере своих сторонников. Не наказывая и даже даруя самое милостивое жалование, государь все равно имел шанс нарваться на очередной «перелет»: в Тушине обещали многое, а служба законному монарху стала рискованным делом... Того и гляди, войдет «царик» в Кремль, ссадит Шуйского, а верным его служильцам посшибает головы!

В ту пору «изменный обычай» привился к русской знати. Многими нарушение присяги воспринималось теперь как невеликий грех. О легкой простуде беспокоились больше, нежели

о крестном целовании. То развращение, о котором говорилось выше, с особенной силой развивалось в верхних слоях русского общества.

Летописец с горечью пишет: государю пришлось заново приводить своих подданных к присяге, но очень скоро о ней забывали: «Царь... Василий, видя на себя гнев Божий и на все православное христианство, нача осаду крепити [в Москве] и говорити ратным людем, хто хочет сидеть в Московском государстве, и те целовали крест; а кои не похотят в осаде сидеть, ехати из Москвы не бегом (т. е. не украдкой, а открыто. – Д.В.). Все же начаша крест целовати, что хотяху все помереть за дом Причистые Богородицы в Московском государстве, и поцеловали крест. На завтрее же и на третий день и в иные дни многие, не помня крестного целования и обещания своего к Богу, отъезжали к Вору в Тушино: боярские дети, стольники, и стряпчие, и дворяня московские, и жильцы, и дьяки, и подьячие...»⁴³

Борьба с Самозванцем шла переменчиво. Города по несколько раз переходили из рук в руки, подвергались грабежу и поджогам. Победители устраивали побежденным резню... чтобы пасть жертвами новой резни, когда их воинский успех сменялся неудачей. Половина страны пострадала к тому времени от Смуты. Блокада Москвы отрядами Лжедмитрия II отрезала великий город от источников питания. Обозы с продуктами уже не доходили до стен Белокаменной: их перехватывали по дороге. Над столицей нависла угроза голода.

Особую важность приобрело Коломенское направление. Чуть ли не единственная артерия, по которой к Москве доставляли продовольствие, шла через коломенские места. К ужасу царя, воеводы Иван Пушкин и Семен Глебов прислали известие: «От Владимира идут под Коломну многие литовские люди и русские воры». А драться за город и за дорогу, через него пролегающую, уже некому. Ратники есть, но доверенные лица в недостатке...

Вот тогда-то переламывается судьба князя Пожарского. Он-то хранил верность государю и при Болотникове, и при «Тушинском воре». Ему о присяге напоминать не требовалось, а биться с неприятелем князь был готов. И государь сделал на него ставку.

По свидетельству летописи, «Царь... Василий послал воевод своих под Коломну, князя Дмитрия Михайловича Пожарского с ратными людьми. Они же пришли под Коломну и стали проведывать про тех литовских людей. Вестовщики, приехав, сказали, что литовские люди стоят за тридцать верст от Коломны в селе Высоцком. Князь Дмитрий Михайлович с ратными людьми пошел с Коломны навстречу литовским людям, и пришел на них в ту Высоцкую волость на утренней заре, и их побил наголову, и языков многих захватил, и многую у них казну и запасы отнял. Остальные же литовские люди побежали во Владимир»⁴⁴.

Итак, под Коломной Дмитрий Михайлович осуществляет в ночное время стремительное нападение на лагерь вражеского войска. Противник разбегается, в панике бросив армейскую казну. Дмитрий Михайлович показывает себя опытным и решительным военачальником. Его действия спасают столицу от крайне неприятной участи. В Белокаменную потек хлеб...

Таким образом, Пожарский оправдал повышение по службе честным воинским трудом.

Но даже в тот момент, когда монарх остро нуждался в успешной боевой операции, когда поставить на командование оказалось просто некого, захудалость рода Пожарских продолжала скверно влиять на служебное положение князя. И очевидные боевые заслуги его ничуть не исправляли дела.

Прибыв к Коломне с отрядом, Пожарский должен был, по терминологии современного военного дела, «организовать взаимодействие» с тамошними воеводами. Но первый воевода коломенский Иван Михайлович Пушкин-Меньшой «...на съезд к нему не ездил и у дела государева не был и к царю Василью писал, что ему менши князя Дмитрия Пожарского быть

⁴³ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 82.

⁴⁴ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 98–99.

невместно»⁴⁵. Пушкина отозвали к царю, а Пожарский, слава Богу, справился с неприятелем, получив поддержку второго воеводы, Глебова.

Продолжением стал местнический суд. Когда Пожарский вернулся в Москву, его ожидало челобитье Пушкина. Дмитрий Михайлович бился местническими «случаями» младших ветвей Стародубского княжеского дома – Татевых, Хилковых, Палецких, не помянув самих Пожарских. Знал: слабы местнические позиции Пожарских для такого дела... Пушкин упрекнул его в этом, и тогда сам царь вынужден был возобновить тяжбу. Местнической комиссии велено было взять у Пожарского «...иные случаи, где бывали... Пожарские, и хотел тово суда царь Василей слушать сам», – видимо, желая помочь ценному служильцу. Но до нового суда по непонятным причинам дело тогда не дошло: «Тот суд у Ивана Пушкина со князь Дмитреем Пожарским при царе Василье не вершен», – сообщают документы⁴⁶. Скорее всего, страшное напряжение борьбы со Лжедмитрием II не позволило царю отвлечься на новое разбирательство. Оно откладывалось, откладывалось... а потом и сам Василий Иванович лишился трона.

Дмитрию Михайловичу тогда приходилось несладко: в связи с его назначением под Коломну туда была отправлена грамота, несколько неудобная для родовой чести князя Б.М. Лыкова⁴⁷. Так же, как и Пожарский, тот оказался среди сторонников царя Василия Ивановича. Более того, князь Лыков и воеводствовал неподалеку – в Бронницах. Разгоревшееся местничество Пушкина с Пожарским высветило неприятную для Лыкова грамоту. Тогда Борис Михайлович возобновил старое, годинских еще времен, разбирательство. И хотя это второе дело так же не было «вершено», как и тяжба с Иваном Пушкиным, надо полагать, Пожарскому, недавнему победителю литовцев, крепко испортили всю радость от воинского триумфа...

Одоление врага под Коломной произошло в начале 1609 года – в январе или первой половине февраля, скорее в феврале. Точнее определить дату невозможно. А вот день, когда началась местническая тяжба, известен: Иван Пушкин подал жалобу 20 февраля 1609 года⁴⁸.

Скоро Дмитрий Михайлович получил новое поручение – в большей степени почетное, нежели боевое. Как видно, Василий Шуйский хотел показать свое благоволение Пожарскому. Не сумев защитить князя от местнических нападков, государь все же продемонстрировал милостивое отношение другими способами.

Весной 1609 года Россия подверглась страшному бедствию – массовому вторжению крымских татар. Смута ослабила способность страны оборонять южные рубежи. Крымцы почувствовали это: они и в первые годы правления Шуйского устраивали опустошительные набеги. Бездна наказанность опьяняет, и вот отдельные набеги сменились чудовищным нашествием. Крымские полчища разорили Серпуховские, Боровские, Коломенские места, дошли до Тарусы, стояли в двух шагах от русской столицы. «Это не был набег, – пишет специалист по русско-татарским войнам А.А. Новосельский, – а настоящая война, длившаяся все лето и захватившая огромную территорию, почти до самой Москвы»⁴⁹. Враг алчный и беспощадный громил области, и без того сильно пострадавшие от Смуты, а сил остановить его уже не было. Размеры катастрофы, разразившейся весной – летом 1609 года видны по воспоминаниям

⁴⁵ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 52.

⁴⁶ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 52–53.

⁴⁷ Маркевич А.И. О местничестве. Ч. 1. Киев, 1879. С. 279.

⁴⁸ Ни в летописях, ни в разрядных записях того времени даты коломенского сражения нет. В исторической литературе закрепились датировка – осень 1608 года, но она, по-видимому, неверна, хотя ее придерживаются крупные специалисты, например, Р.Г. Скрынников. См.: Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 2007. С. 326. «Новый летописец» сообщает, что победа князя Д.М. Пожарского над поляками и литовцами под Коломной была одержана примерно в то же время, когда полевой командир Лисовский разорил Шую с Кинешмой, а документы говорят, что уже в июле 1609 года, явно позднее коломенского дела, Пожарский получил другую службу. Между тем, дата разгрома Кинешмы хорошо известна, это май 1609 года. Какая уж тут осень 1608-го! Дата начала местнического разбирательства, определенная еще историком XIX века А.И. Маркевичем, четко указывает на самое начало 1609 года. См.: Маркевич А.И. О местничестве. Ч. 1. Киев, 1879. С. 279.

⁴⁹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., 1948. С. 70.

немецкого наемника Конрада Буссова: «В Россию вторглись... и татары с 40 000 человек и за три раза увели за рубеж бесчисленное множество захваченных людей и скота, не считая того, сколько они поубивали и побросали старых и малых, не имевших сил идти с ними... А об ужасном вреде, который они причинили стране поджогами, и говорить не приходится. В это время раздавались горестные стенания жителей, потерявших не только скот, но и людей, ибо многие жены лишились мужей, мужья – жен и детей, так что даже камень – и тот разжалобился бы»⁵⁰.

Требовалось договориться с татарами. Царь едва справлялся с «тушинцами» и поляками. От крымцев ему оставалось лишь откупиться. Особенно опасная ситуация сложилась в июле: войска крымских «царевичей» вышли на Оку и занимались грабежами в непосредственной близости от Москвы. Тогда «...от государя к царевичем за Оку з дары и с речью воевода князь Григорей Костянтинович Волконской, а велено ему царевичю объявить, что будут к ним от государя бояре и воеводы: князь Иван Михайлович Воротынской, да князь Борис Михайлович Лыков, да околничей Ортемей Васильевич Измайлов... А провожать послан воеводу князь Григорья Волконского с Москвы для воров с ратными людьми стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской»⁵¹.

Смысл этой краткой записи в государственной документации того времени расшифровывается просто: дары – откуп, а охрана Волконского, едущего с дарами, – великая честь и неограниченное доверие. В сущности, полагаясь на преданность Пожарского, государь ставил на кон очень многое. Если бы Дмитрий Михайлович сплеховал, потерял драгоценный груз, или же решил присвоить его, то страшная крымская проблема не была бы решена, и юг России кровил бы еще очень долго...⁵² Царь, по всей видимости, крепко верил: этот – не предаст!

Именно тогда, в разгар Смуты, самым очевидным образом проявляется воинское дарование Пожарского. Начав с коломенского успеха, Пожарский активно ведет боевые действия, защищая столицу от польско-литовских шаек и русских бунтовщиков. Вернувшись из ответственной «командировки» на Оку, Дмитрий Михайлович вскоре получил новое воеводское назначение.

Среди «тушинцев» появился дерзкий и энергичный полевой командир, некий «хатунский мужик» Сальков. Он собрал большое войско и перерезал Коломенскую дорогу, столь драгоценную для московского правительства. Лояльные государю Василию Ивановичу войска сталкивались с Сальковым неоднократно. Князь Василий Мосальский двинулся было под Коломну – собрать провизию для столицы, но в конце октября неподалеку от Бронниц подвергся нападению сальковских отрядов, поддержанных ратниками польского офицера Млоцкого⁵³. Мосальский потерпел поражение и потерял обоз, столь необходимый царю Василию Ивановичу. Шуйский в ответ приказал строить «острожки» по Коломенской дороге. Но, видимо, гарнизоны этих маленьких укреплений не могли защитить обозы, шедшие в столицу: Сальков продолжал «чинить утеснение». Разорив коломенские места и не чувствуя должного отпора, Сальков двинулся ближе к столице. Он появился у Николо-Угрешского монастыря. Там его атаковал воевода Василий Сукин «со многими ратными людьми», однако разбить не смог. С большими потерями Сукин вытеснил Салькова с занимаемых позиций – в лучшем случае вытеснил, если только тот покинул их не по своей воле... Непобежденный Сальков стал серьезной проблемой для Москвы.

⁵⁰ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.—Л. АН СССР. 1961. С. 157.

⁵¹ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 82.

⁵² Впрочем, Василий Шуйский попытался еще и превратить татар в друзей, чтобы направить их силу против «тушинцев». Эта принесла принелся ему больше неприятностей и разорения от дерзких «союзников», нежели пользы.

⁵³ Дневник Яна Петра Сапеги. М. – Варшава, 2012. С. 173.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.